

Уважаемые читатели!

В 2013 году мною были изданы детективные рассказы под общим названием: «Убийство на улице Тургенева». Для сведения сообщаю, что книгу можно приобрести в киосках ОАО «Роспечать» Нижнего Новгорода и в книжном магазине «Дирижабль» на ул. Большая Покровская, 46.

В книге не поместился ряд зарисовок и воспоминаний о коллегах из областной прокуратуры, с которыми я вместе работал, общался, учился у них профессии. Небольшие заметки из этих воспоминаний я и предлагаю вашему вниманию.

Нисколько не сомневаюсь, что и сейчас много опытных, талантливых, грамотных профессионалов работает как в органах прокуратуры, так и в следственном управлении СК РФ по Нижегородской области, которые делятся своим опытом с молодыми коллегами.

Мне же посчастливилось пообщаться и поработать с ветеранами, перенесшими все тяготы пережитой и выигранной ими войны 1939–1945 гг., о них я и постараюсь рассказать, которые были и есть доброжелательные, профессиональные юристы и просто земные люди.

### В тесноте, да не в обиде

**В** самом начале восьмидесятых годов прошлого века, когда я начинал работать в облпрокуратуре в должности прокурора следственного управления прокуратуры Горьковской области, сотрудники управления всего-то-навсего занимали левое крыло первого этажа здания Горьковского областного суда. Это сейчас при выделении в 2007 году следствия из прокуратуры в отдельную самостоятельную структуру каждое из ведомств имеет свои отдельно стоящие здания, и это правильно.

Раньше в следственном управлении, включая и руководителей, работали не более тридцати человек. Занимали в здании по улице Свердлова д. 17 эти тридцать человек всего восемь кабинетов: с 15 по 22 включительно.

Заместитель прокурора области – начальник следственного управления Видонов Леонид Георгиевич сидел отдельно недалеко от прокурора области в просторном кабинете под номером пять, где проводились оперативные совещания, а при необходимости и межведомственные совещания, на которые приглашались работники органов внутренних дел, и в котором от табачного дыма можно было задохнуться. Сам хозяин кабинета курил, и во время проведения экстренных совещаний можно было видеть, как дым «валил» из форточки его кабинета

В 19 и 22 кабинетах сидели два начальника.

В самом последнем кабинете, почти в цокольном помещении, внизу, работал начальник отдела по над-



**Ю.В. Котяев**

*Работал в прокуратуре Нижегородской области с 1977 по 1997 год в должностях: стажера следователя, следователя прокуратур Семеновского, Шахунского районов, прокурора СУ, прокурора-криминалиста, заместителя начальника СУ, начальника управления по надзору за исполнением законов в хозяйственной деятельности, прокурора г. Дзержинска*

зору за следствием и дознанием Белянов Геннадий Николаевич. Хороший товарищ, спокойный и серьезный человек, которого закрутили семейные неурядицы, и как-то внезапно он перешел из начальников в следователи, а затем и вообще ушел из прокуратуры, но это совсем другая история...

В девятнадцатом, длинном и узком как пенал кабинете работал заместитель начальника следственного управления Бирюков Валерий Павлович, высокий стройный мужчина с курчавыми, седыми, коротко стриженными волосами, которые он всегда приглаживал правой рукой, как бы поправляя их. Правда, поправлять прическу ему никакой нужды не было. Он всегда был подстрижен, гладко выбрит, отутюженный костюм сидел на нем превосходно. Весь его внешний вид свидетельствовал о том, что этот мужчина находится под постоянным женским присмотром. И это действительно было так. Его супруга Надежда Герасимовна Хорева, работавшая старшим помощником прокурора области по организационным вопросам и контролю исполнения, очень бережно и ненавязчиво опекала Бирюкова. Валерий Павлович сам был человек веселый с юмором и насморком, страдал хроническим гайморитом, но стоически переносил и то, и другое.

В пятнадцатом и семнадцатом кабинетах располагались «особо важные» и старшие следователи. Среди них выделялись Скребкова Альбина Александровна, позднее по состоянию здоровья, уехавшая работать в город Сочи, Серебряная Клара Михайловна и Бикмухаметова Гольнура Шарифовна. Клара Михайловна, как человек вдумчивый, опытный и осторожный, прежде чем подготовить постановление о предъявлении обвинения в окончательном варианте, советовалась и с начальником, и с коллегами по работе не один раз потому, что дела у нее, как правило, были сложные и многоэпизодные. Гольнура Шарифовна – человек энергичный и цепкий, делала все с первого раза. И все у нее получалось правильно и юридически грамотно.

Цена ошибки в то время была высокой: неправильная квалификация или неполнота следствия позволяла суду возвращать уголовные дела на дополнительное расследование со всеми вытекающими последствиями. При заместителе прокурора области проводились оперативные совещания с приглашением всех виновных и невиновных и раздавали «всем сестрам по серьгам». Реже, но иногда такого рода ошибки разбирались – на коллегии при прокуроре области. Об этом я постараюсь рассказать на примере конкретного дела...

В шестнадцатом и восемнадцатом кабинетах работали прокуроры следственного управления или, как их еще называли, зональные прокуроры, которые «курировали» несколько районных прокуратур. В основном кураторство сводилось к изучению дел областной подсудности, ведению статистики, анализу отчетов и контролю работы следователей районных прокуратур по делам областной подсудности. Потому что далеко не все районные прокуроры в виду большой загруженности не всегда успевали изучать дела этой важной категории, да и к тому же прокуроры знали, что в областной суд эту категорию дел направляют зональные... Следовательно, и ответственность за качество следствия по этим делам несли также они. Зональные... не «открещивались» и от дел районной подсудности: изучали их, вовремя подсказывали и указывали на недостатки, рассказывали следователям, как сформулировать постановления о привлечении в качестве обвиняемого, а иногда и сами писали, какие вопросы подготовить в постановлениях о назначении экспертиз и как глубоко отрабатывать версии и устанавливать обстоятельства преступления. Нередко выезжали в районные прокуратуры для оказания помощи следователям или помощникам прокуроров, производившим следствие, на местах. В то время на местах, где не было следователей, уголовные дела расследовали либо помощники, либо сами районные прокуроры.

За год в областной суд следственное управление облпрокуратуры направляло в среднем около ста пятидесяти – ста восьмидесяти дел, включая и уголовные дела о квалифицированных (тяжких) изнасилованиях.

Казалось бы, площади небольшие: в кабинетах сидели по четыре – пять человек, а в самом большом двадцатом кабинете сидели шесть – семь человек, но никто никому не мешал, и людей всех успевали допросить и совещания вовремя проводили, в том числе и межведомственные, и качество следствия было неплохим, в тесноте, но не в обиде. Прокуратура Горьковской области была всегда на хорошем счету и по качеству следствия, и по раскрываемости в вышестоящих прокуратурах.

Помимо меня, в шестнадцатом кабинете работали четыре человека. Одна женщина, Серова Клавдия Петровна, остальные мужчины. Позднее, точно не утверждаю, в середине или в конце восьмидесятых она была назначена начальником отдела кадров. Именно с ее приходом в отдел кадров в районах области на руководящие должности – районными прокурора-

ми стали назначаться женщины, справлявшиеся со сложными обязанностями и тяжелой нагрузкой ничуть не хуже мужчин.

О женщинах, успешно и добросовестно работавших в областной прокуратуре, я подробнее попытаюсь рассказать позднее. Отдельно о Соляновой Елизавете Васильевне (моем первом зональном прокуроре), которая не только внимательно и досконально изучала уголовные дела областной подсудности, но и иногда помогала следователям добрым советом по жизни, если к ней обращались за ним. Также отдельно – о старшем помощнике прокурора области Кравченко Людмиле Анатольевне, отличавшейся энергией, активной жизненной позицией, доброжелательным отношением к людям, умением элегантно одеваться и изящно выглядеть в мире тогдашнего сплошного дефицита, и о многих других достойнейших женщинах. Каждая, из них не только по своему интересная, преданная своему делу личность, но и теплый душевный человек.

Другие в прокурорской профессии долго не задерживались.

Центральное место в кабинете, в котором мы работали, занимал Чистяков Константин Михайлович, занимавший, так же как и я, должность прокурора следственного управления, справа от Чистякова располагался Подставочкин Борис Матвеевич, бывший начальник следственного отдела, но уже давно оформивший пенсию и, находясь на пенсии, занимался методической и аналитической работой. Его цепкие глубокие глаза замечали буквально все, любой штришок в поведении собеседника, но как человек очень воспитанный, тонкой организации, никогда лишних слов не говоривший, он мог одним жестом показать, что так делать не годится. Вот такой был деликатный и тактичный Борис Матвеевич Подставочкин. Слева – сидел Горбик Александр Тимофеевич, который работал поначалу в другом отделе – отделе по надзору за следствием и дознанием в органах внутренних дел. В двадцатом большом кабинете, где он раньше работал, телефон стоял на отдельном столике, и он часто его занимал. Мы в шестнадцатом кабинете спорить не стали, а сразу поставили телефон ему на стол. Позднее, даже терпеливый Константин Михайлович стал иногда делать ему замечания по поводу продолжительных разговоров потому, что телефонный номер и в нашем кабинете был один, хотя телефонный аппарат стоял у каждого на столе. В шестнадцатом кабинете повторилась та же история, что и в двадцатом. Разговаривать по телефону больше всех стал опять Горбик.

Но и этот вопрос был решен: при содействии Чистякова в кабинет, а следовательно, Александру Тимофеевичу выделили персональный телефонный номер, и он никому уже больше не докучал. Изредка его скрипучий требовательный тон, которым он разговаривал с милицейским районным руководством своей «зоны» заставлял Константина Михайловича поверх очков поглядывать на соседа, намекая, что он в кабинете не один. Горбик намеков Константина Михайловича не понимал или не хотел понимать. После чего, хмыкнув с досады, Чистяков, который никогда ни с кем не спорил, уходил курить в коридор. Да, в те далекие времена Константин Михайлович понемногу, но курил. Позднее, Горбик перешел в кабинет к Анатолию Павловичу Прокофьеву.

Мне посчастливилось больше трех лет работать с Чистяковым в одном кабинете. И поэтому, и потому, что он мне всегда был приятен, я подробнее расскажу о Константине Михайловиче. Человек очень простой, скромный, немногословный и очень достойный. О себе, насколько мне известно, он рассказывать не любил. Это сейчас про него много статей написано. И это правильно, о таких достойных людях надо писать и рассказывать о них. Их не так уж и много, а доживших до ста лет и не потерявших чувство юмора... Таких людей просто больше нет... Константин Михайлович один такой – уникальный человек. Высокостройный, подтянутый, никогда не сутулился. С радостью видел его, когда отмечали его столетний юбилей, почти так же он выглядел, как и тридцать лет назад. Дай бог ему здоровья до ста пятидесяти лет!!! А его глаза... как он смотрит в свои сто лет... Глаза озорные, пронизательные и пронизывающие два века насквозь. А какой он книголюб... Только у него я мог найти, попросить дать мне почитать книгу академика Евгения Тарле «Наполен». А его высказывание о поэзии: «Писать надо так, чтобы строчкам было тесно, а мыслям просторно...» Может быть это и не его высказывание, но я для себя услышал эти слова.

Это сейчас на протяжении более ста лет жизни стало известно, какой он по-настоящему замечательный человек, а раньше об этом мало говорили, не принято, что ли это было... Человеком он не был скрытным, он был и есть скромный человек. Сам не любил о себе рассказывать, как-то выделять себя, но не жаловал это и у других, кто много о себе говорил. По-настоящему по жизни он мудрый и дальновидный человек. И это нам было известно еще тогда, в прошлом веке.

Насколько помню, у Константина Михайловича были небольшая дачка и сад, в котором он успевал поработать. Осенью угощал всех яблоками, приносил в кабинет в простой авоське и угощал. Помню, яблоки Константин Михайлович ел без кожуры. Аккуратно чистил их перочинным ножиком и также как чистил, аккуратно кушал. А какое чудесное вино он умел из этих яблок приготовить... Он всегда мог поддержать мужскую компанию и поддерживал. У него всегда была своя норма... и никогда, насколько я помню, он ее не нарушал.

Насколько я помню, он был всегда настоящим полковником, первым прокурором города Берлина. Даже тогда в восьмидесятые годы, будучи очень заслуженным человеком и в почтенном возрасте, никаких скидок на возраст, не принимал. Был прост в общении и очень доступным, и приятным собеседником. Все что он делал, он делал аккуратно и старательно. Внимательно, уважительно и ровно относился к людям, кто бы перед ним не находился. Это про него сказано: «Гвозди бы делать из этих людей, крепче бы не было в мире гвоздей...»

Мне запомнилась история, связанная с делом о покушении на убийство малолетней девочки, сопряженное с ее изнасилованием. Дело «громкое» областной подсудности. Его расследовал молодой привлекательный следователь, такой же высокий, как Константин Михайлович, в котором без малого был рост метр восемьдесят пять сантиметров, а может и выше. Может поэтому следователь, пришедший к Чистякову, вел себя поначалу очень самоуверенно. Вынул из дипломата толстый том уголовного дела, ни слова не говоря, положил его на стол Константину Михайловичу, независимо присел на подставленный к столу Константина Михайловича стул, покачивая согнутой в колене ногой.

Я сидел напротив Константина Михайловича и поневоле наблюдал за всем происходящим. Ветеран, сдвинув очки на лоб, первым поприветствовал молодого коллегу, протянув ему руку, и кивнув на лежавшее на краешке стола дело, спросил: «Прокурор смотрел?»

Следователь согласно кивнул, продолжая расслабленно сидеть на стуле, щелкая застежками дипломата.

Константин Михайлович полистал дело и, не найдя сопроводительного письма прокурора, снял очки, развернулся к следователю: «Не вижу...»

Только тогда следователь сообразил, что от него хотят. Пощелкав замками, отыскал в дипломате отпечатанное на фирменном бланке прокуратуры Мо-

сковского района короткое сопроводительное письмо, протянул его зональному прокурору со словами: «Все в полном порядке. Я же по телефону Вам все рассказал».

– В порядке говоришь? Ну, ну, поглядим. Дело оставляй, а сам сходи, пообедай, – говорил Константин Михайлович, глядя в глаза собеседнику поверх очков, окая, отрывисто и очень четко.

– А Вы?

– Я почитаю. Час мне дашь на изучение?

Молодой специалист недоуменно пожал плечами, – Час, наверно, мало...

– Хватит, – подумав, Чистяков добавил, – Мне в общих чертах фабула известна, твой прокурор доложил, да и спецдонесение я готовил... Так что, заходи через часок.

Следователь встал со стула, выпрямился в полный рост и, щелкнув защелками дипломата, легко выскользнул из кабинета.

– А как же домино, Константин Михайлович? – равнодушно спросил я у Чистякова. Мне было известно, что обычно в обед Чистяков «забивал козла», играл в домино с Масловым Павлом Ивановичем, начальником отдела кадров, с которым они были хорошими приятелями. Сам я толком играть не умел, но наблюдать за игрой в «козла», как немолодые прокурорские работники азартно, как заядлые игроки интеллигентно стучали по столу костяшками домино, было очень поучительно. Поиграть в домино вниз к прокурорам со второго этажа спускались и работники областного суда. Но они быстро проигрывали, а проигрывать они не любили, а вскоре совсем перестали приходить.

В обед в следственном управлении с игрой в домино происходил целый ритуал: двойные створки дверей правого крыла здания облсуда, где располагалось следственное управление облпрокуратуры, на время обеда закрывались, чтобы не дай бог, посторонние могли увидеть, как седые прокуроры стучат костяшками о стол. Начальство знало об этом. Сам Бирюков иногда садился за столик поиграть, но выигрывал редко, а поэтому, чтобы не подорвать авторитет, мало играл, больше наблюдал, как и я.

На заводе, где мне пришлось работать в литейке, я тоже наблюдал, как рабочие с азартом и прибаутками, стуча костяшками домино, матерились друг с другом. Так-то было на заводе, а здесь областная прокуратура, высший как бы уровень, но азарт у людей был не меньше, но мата точно не было. Все было умно и деликатно, но прибауток и шуток было

не мало. В партнеры я не набивался, а кроме того это нужно было заслужить.

А вот, когда садились играть в домино Павел Иванович Маслов вдвоем с Чистяковым, это было что-то. Они с полувзгляда понимали друг друга. Как вдвоем садились играть в самом начале обеда, так до конца обеда не выходили из-за стола. Выигрывали подряд несколько партий. Менялись соперники, а Чистяков с Масловым играли, не уступая никому. Это состязание было интересно и поучительно. В азарте игры люди раскрывались и от души шутили над неудачными ходами партнеров.

– У меня сегодня домино не будет. Напарника нет. Павел Иванович уехал в командировку, а ты иди, тренируйся, готовься в мои напарники... Константин Михайлович достал из ящика стола ворох нарезанных листиков закладок, положил на стол, обхватив руками том, подвинув его к себе, углубился в чтение.

Вслед за следователем я вышел из кабинета, подошел к игравшим в домино. Но найдя игру без Маслова и Чистякова неинтересной, спустился вниз, в подвальное помещение, где располагалась криминалистическая лаборатория, к эксперту Григорьеву.

По просьбе Кулебакского следователя прокуратуры Прусакова мне нужно было уточнить: «Что нужно для скорейшего завершения баллистической экспертизы». Сам Прусаков до эксперта дозвониться не смог, а эксперт производство экспертизы затянул.

Через час я вернулся из лаборатории, по пути перехватив в столовой пару пирожков, сел за свой стол и стал жевать.

Увидев меня жующим, Чистяков, перед которым сидел следователь и слушал его советы, надвинув очки на лоб, спросил: «В столовой много народа?».

В ответ я, продолжая жевать, неучтиво отрицательно покачал головой. Константин Михайлович добавил: «Звонил Кулебакский прокурор, Морозов».

Я справился с одним пирожком, второй положил в ящик стола на бумажку, уточнил: «В Кулебаках прокурор – Карпов. Он что уже на пенсию ушел?».

Чистяков, не вдаваясь в подробности, кивком головы подтвердил. Мне было известно, что знаток истории государства Российского Иван Александрович Карпов, Кулебакский городской прокурор собирается на пенсию в связи с ухудшением состояния здоровья. Вот, видимо, свершилось. Надо обязательно, по возможности перезвонить... О том, что Карпов отлично (по сравнению со мной), знает историю, я убедился, общаясь с ним в первый приезд в

Кулебаки с оказанием помощи по конкретному делу.

Уголовное дело, лежавшее перед Чистяковым, за время обеда было уже нашпиговано закладками, торчащими со всех сторон. Высокий следователь уже не сидел вольготно и независимо, как раньше щелкая замками дипломата, а вцепился в него как в спасательный круг и внимательно слушал Константина Михайловича, который поверх очков доброжелательно поглядывал на собеседника.

Я, в свою очередь, поблагодарил Чистякова, невольно прислушался к опытному коллеге. Таких дел, которое он разбирал с молодым следователем, в моем послужном списке пока не было. Мне самому было полезно послушать Константина Михайловича. Говорил Чистяков мягко, упирая на букву О, но с легкой иронией.

– Хорошо, хоть и запутанно, но обвинение грамотно сформулировано. И с постановлениями о назначении экспертиз вовремя ознакомил, правильно. Но скажи-ка мне, «батенька», зачем здесь этот живописный рисунок?

Раскрыв дело в самом конце, Чистяков подвинул том с рисунком следователю:

– Что это?

Я попытался со своего места разглядеть рисунок, но у меня не получалось. Да и Чистяков, видимо, не хотел этого, потому что показал его так, чтобы только следователь мог увидеть этот рисунок. В кабинете началось незаметное движение со стороны Серовой, Борис Матвеевич Подставочкин сидел невозмутимо. Ему было понятно, что за рисунок и для чего он появился в деле. Горбик вообще не вникал в наши дела.

– Это девочка, сама нарисовала... – покраснел следователь и добавил: – По памяти. Для доказательства, – оправдывался следователь.

Константин Михайлович с сожалением покачал головой, а вслух произнес:

– Я ничего не видел и тебе ничего не подсказывал, но ты эту порнографию убери. А то в суде еще отреагируют. Представление не внесут, но письмо написать могут. Ты с делом никого не знакомил?

Следователь отрицательно покачал головой.

– Вот и ладненько. Ну а так дело расследовал очень хорошо и подробно. Мои замечания устранишь, и можно смело в суд направлять. Листочки сохрани, там, где лежали. Договорились?..

Следователь радостно закивал головой, быстро убрал дело в дипломат и пулей выскочил из кабинета.

Уважаемые коллеги! Уважаемые друзья!

Совсем недавно мы отпраздновали самый Главный и замечательный праздник в нашей стране – Праздник 69 годовщины со дня Великой Победы народов СССР в Великой Отечественной войне

Этот памятный и близкий сердцу каждого Россиянина День Победы – 9 Мая дорог каждому здравомыслящему человеку не только бывшего СССР, о нем знают, чтят и помнят все миролюбивые и прогрессивно мыслящие люди на земле.

Хотелось бы думать и верить, что все, что происходит сейчас в соседней, близкой нам Украине – явление проходящее, временное...

Думается, и это именно так – День Победы остужает горячие головы агрессивных западных мужей, порою забывающих не только уроки прошлых лет, но и то, что Россию победить нельзя.

Большим историческим событием и огромной радостью для всех россиян стало долгожданное, продуманное, бескровное, юридически выверенное присоединение Крыма и города Севастополя к России.

От всей души поздравляю всех коллег с Главным Праздником нашей страны с Днем Победы! 